

Чурилов Владимир Алексеевич

Я коренной москвич. Мой отец был директором карандашной фабрики им. Сакко и Ванцетти. Жили мы недалеко от этой фабрики. Я учился в 56-й школе, а в 1940 году пошел в ФЗУ при заводе №22, сейчас это завод им. Хруничева.

22 июня было воскресенье. Мы с ребятами поехали в кинотеатр и вдруг в троллейбусе слышим выступление Молотова. Мы тогда еще очень молодыми были, и не сразу поняли, в чем дело. Поняли только, что началась война.

Вскоре после начала войны я окончил это училище и меня направили на 24-й завод, он у Семеновской заставы находился. Там я работал токарем, точил клапана для авиадвигателей.

В середине 1942 года мне исполнилось 18 лет и меня призвали в армию. Тогда с резервами уже плохо было, призывали кого могли. У меня 7 классов образования были, так что я попал в Московское пехотное училище им. Верховного совета РСФСР. Там я отучился 6 месяцев, но, вместо звания лейтенанта, нашему курсу присвоили звание сержанта и в марте-апреле 1943 года направили на фронт, под Смоленск, где я попал в 23-й стрелковый полк 51-й стрелковой дивизии.

Через несколько дней к нам поступило пополнение. Причем народ в пополнении какой был – те кто опоздал на 21 минуту, а тогда закон был – на 21 минуту опоздал и под суд. Еще в этом пополнении были молодые ребята, у которых было уголовное прошлое. Но никакой дедовщины, как сейчас, не было, все было нормально. Мы сформировали взвод, начали готовиться, и тут откуда то из-под Саратова приезжает офицерский состав, младшие лейтенанты. Им учить надо, а они говорят: «Мы сами ничего не знаем». Они шестимесячные курсы окончили, но как, их то за дровами посылали, то на картошку и т.д. Нас-то в Москве учили на совесть, а этих вот так, но нам звания не присвоили, а им присвоили. С этими офицерами мы пошли в бой.

В Смоленской области есть такая станция Починок, там я принял первый бой. Нас к станции подвели и утром, в 4 часа, мы подняли своих бойцов и пошли в наступление. А там высоты такие... Мы на них стали подниматься, а там немцы, и они нас обстреливают. Ну мы рванули и взяли эту высоту. Дошло до рукопашной. Захватили высоту, остановились. Через нас прошла другая часть, мы за ней. Потом нам дали пополнение, и мы стали наступать на следующие высоты.

Наградной лист

1К43
08046
19.7.46

1. Фамилия имя отчество: Чурилов Владимир Алексеевич.
2. Звание: ст. сержант. 3. Должность: ком. отделения
Рота. Спец. обсл. 48 т.п. 262в мото мех. дивизии
- Представляется к ордену «Красная Звезда»
4. Год рождения: 1924. 5. Национальность: русский
6. Партийность кандидат ВКП(Б)
7. Участие в Отечественной войне (где когда)
Забодный фронт 3.1943 по 9.5.1943г.
8. Имеет ли ранения: тяжелое 17 апреля 1943 и легкое 17 сентября 1943.
9. С какого времени в Красной Армии с 1942г.
10. Каким РВК призван: Киевским РВК, Москва.
11. Чем ранее награждался: не награждался
12. Почтовый адрес представляемого к награде и адрес семьи:

ст. сержант Чурилов на фронте с 3.1943г.
17 апреля 1943г. Участвовал в подготовке ночного боя в должности ком. отд сапер своим отделением обсл. при проходе разведки в микром. кале и в провождении загор. дивизии. Сам лично снял и обезвредил 9 противотанковых и противопехотных мин. Здесь было ком. взвод 1 роты.
Участвовал вторично в составе 61 корпуса 21 армии в должности пом. ком. взвода автомашин во взводе 29 августа.
15 сентября 1943г. при прорыве обороны в районе деревни Терезки заменил выбившего из строя ком. взвода и взвод вывел свою задачу, овладел первой трофеем захватив немецкий станковый пулемет и 18 винтовок. И продвигаясь дальше к станции Когинск в ночном бою за овладение шоссейным мостом на шоссе Ельня Смоленск в ночной атаке был легко ранен 17.9.43.

Бои под Смоленском были страшные... Там мы много высот брали, и очень много людей теряли. Очень большие потери были... Зачастую, после одного наступления от взвода оставалось 3-5 человека. Если от взвода оставалось 10 человек – это было очень хорошо. 19 августа погиб командир нашей роты... Тогда три дня шли страшные бои. Мы заняли одну высоту, а нас оттуда выбили. Мы опять вперед, смогли ее захватить, но нас осталось 10 человек на 200 метров фронта. Смотрим, стоит брошенный пулемет, а меня в училище учили обращаться с пулеметами, минометами. Зарядили пулемет и долго из него отстреливались. А потом пулемет вдруг замолчал... Я думаю: «Что такое?» Подполз к пулемету, а у пулемета есть такой утопитель, и пуля развернула его, так что остались мы только со своим стрелковым оружием. До вечера просидели, потом вдруг смотрим, через нашу голову цепь идет. Другой полк. Ура! Они через нашу голову проскочили и пошли дальше, а нас сняли и отправили на переформировку.

Отвели нас где-то километра на полтора от передовой. Впереди воюют, а мы в тылу

окопались и отдыхаем. И в один прекрасный день смотрим, по дороге идет кто-то. А август в 43-м был такой солнечный, теплый. Смотрим, у всех на голове что-то белое повязано. Оказалось, пришла маршевая рота напрямик из Бухары. Их там призвали, поучили и прислали на фронт. Распределили их по взводам и говорят: «Готовьте их». Мы начали тренироваться. Наступаем: «Вперед! Ура!» – вроде все нормально. Приехал полковник, мы опять: «Ура! Вперед!» – прекрасно. Через сутки приказ выступать. Пошли по дороге. У нас на вооружении ручные пулеметы и диски. Пришли на передовую, меняем полк, там ребят осталось, чуть ли не один человек на 300 метров. Заняли позиции, а я помкомвзвода был, осмотрел пулеметчиков – а они даже диски выкинули, тяжело... Слава богу, там этих дисков было, осталось от сменного полка. Мы эти диски нашли, зарядили, патроны нам на подводах везли, только этим и спаслись.

Потом в атаку идти, а нашего взвода нет – испарился, все под кусты залегли и спрятались. Пришлось мне саперную лопатку вынимать... Подползаешь к одному, хряпнешь его как следует, он идет... Какое тут наступление? Хорошо рядом минометная рота была. Она выскочила, минометчики: «Ура! Вперед!» Тут наши увидели и рванули.

В сентябре меня ранило, пуля в руку попала, перебила кость. Я руку перевязал, и начал выбирать, чтобы попасть в госпиталь. А наступление идет, машины то на фронт со снарядами, то от фронта пустые, раненых брать нельзя, чтобы не отклоняться от маршрута. Но как-то выбрался, попал в госпиталь. Там я месяца полтора пробыл, мне хотели удалить пулю, но сказали, что в таком случае, могут повредить нерв и пальцы не будут двигаться, так что пулю оставили. Потом в госпиталь пришли покупатели и я снова попал на фронт, но уже в другую часть. Так и воевал до конца войны.

- Спасибо, Владимир Алексеевич. Еще несколько вопросов. Когда началась война, было ощущение, что война будет тяжелой?

- Нет. Мы не думали, что будет такое тяжелое начало. Мы думали, что войска ко всему готовы, что мы немцев быстро разобьем.

- Когда вы поняли, что война будет тяжелой?

- Когда Москву бомбить начали. Мы поняли, что враг подходит близко.

- В Москве большие разрушения были?

- На Филях, где было наше ФЗУ, было много разрушено, там же военный завод был. А до войны на этом заводе работали немецкие представители из фирмы Мессершмидт, так что они все про завод знали. Но там возле завода парк был, в котором мы выкопали специальные окопы. Как только начиналась бомбежка, мы бежали в эти окопы.

- Кормили хорошо? Продовольственной карточки хватало?

- Нельзя сказать, что очень хорошо. У кого какие запасы были, так и старались жить.

- В магазинах что-то можно было купить?

- Карточки были, получали что было по карточкам положено.

- «Черный» рынок существовал?

- Да. На Дорогомиловском рынке кто-то хлебом торговал, кто еще чем. Был «черный» рынок, это я помню.

- Зимой тяжело было?

- Знаете, мы молодые были, особо страданий не чувствовали.

- Чему учили в училище?

- Московское пехотное училище им. Верховного Совета РСФСР – это первое и лучше училище в СССР. Там нас с утра до вечера учили. Утром поднимали чуть ли не в 6 часов и вели на тактику, за город. Учили стрелять, из винтовки, СВТ, трехлинейка, изучали ручной и станковый пулеметы, минометы, металы грана ты. Нам показывали танки. А зимой нас вывозили под Солнечногорк, в зимний лагерь. Там мы тренировались наступать зимой. Зимой 1941 года там бои шли, все разрушено было, остановиться негде. Заходим в какое-нибудь село, а оно все разбито, домов нет, ночуй на природе.

Подготовка в училище хорошая была, и условия прекрасные. Нас и учили хорошо и кормили тоже, по 20 грамм масла давали.

- Вы сказали, что в училище изучали СВТ. На ваш взгляд – хорошая винтовка была?

- Хорошая. Но она хороша, если все время в чистоте. А если по болоту поползешь или по земле попашешь, земля попадет... Трехлинейная она понадежнее.

- В училище какая форма была?

- Нормальная. Тулупов не было, но шинели были, телогрейки давали. Сапоги кирзовые с портянками.

- Из училища вы на фронт отправились в чем были, или другую форму дали?

- В чем были, в том и отправились. Пришли на Киевский вокзал, нас сразу погрузили в эшелон и на фронт.

- Когда вы прибыли на фронт, в вашем взводе были фронтовики? Те, кто могли бы рассказать, как надо делать?

- Нет, ничего этого не было. Все из Москвы были. Только призванные и реабилитированные, они в тюрьме за всякие мелочи сидели. У нас такой контингент был.

- На фронте вы были командиром отделения, какова ваша роль в бою?

- Поднимать отделение. «Вперед! Пошли! Давай!» Поэтому и приходилось с саперной лопатой лопаткой ползать.

- Под Смоленском вам пришло пополнение из Узбекистана. Тяжело с узбеками воевать было?

- Тяжело. Сколько мы там провоевали... 2 атаки и все, их нет.

- Какое у вас личное оружие было?

- Автомат ПППШ. Прекрасный автомат был.

- Если сравнить с немецким – чей лучше?

- Наш. Я одно время и тем и тем пользовался – наш безотказен.

- На фронте артиллерийская подготовка была?

- Первое время только минометная подготовка. У нас же особой артиллерии не было, только 45-ки на всякий случай, если танки появятся. А вся артиллерия как-то сзади.

Потом уже «катюши» приходили. Бывало, смотрим – «катюши». Они подъедут, дадут залп, развернутся и уйдут, а мы остаемся. И по этому месту, где «катюши» стояли, начинает немецкая артиллерия стрелять. Еще «андрюши» были. Он когда стреляет, так воеет страшно.

- Говорят, из-за такой вот тактики – подъехали, отстрелялись, уехали, «катюши» недолюбливали.

- Если около тебя отстрелялись и уехали, а по тебе потом бьют – конечно, здесь и неудобно, и нехорошо.

- Вы говорили, что в первом бое дошло до рукопашной.

- Ну, как рукопашной? Это раньше штыком били, а мы тогда автоматами махали.

- С немецкими танками не приходилось встречаться?

- Были такие случаи на Смоленщине. Танки шли, мы бросали гранаты. Несколько танков нам удалось подбить.

- Наши танки вас поддерживали?

- Сначала мы их не видели. Это же еще и от местности зависит. Под Смоленском все в оврагах, болотцах, там не разгуляешься. Когда вышли за Смоленск, наступали в направлении Витебска, там уже местность немного поровнее была, там мы наши части увидели, в районе Красного.

- Как танковый десант вас не использовали?

- Приходилось. Но это уже позже, в 44-м году.

- В сентябре 1943 года вас ранило в руку. Не было подозрение, что это самострел? Никто не проверял?

- Нет. Видели же, что я со своими солдатами в атаку шел.

- В госпитале хорошо лечили, кормили?

- Война, какие могут претензии? Кормили, как кормили.

- О чем шел разговор между ранеными?

- Никаких особых разговоров не было. Все больше вспоминали дом, что было до войны. Война для всех, кто там лежал, была одинаковая.

- В пехоте были какие-то привилегированные места, куда бы хотелось попасть?

- В штаб полка, писарем. Те, кто там сидел – они в атаку не ходили.

- А ротный писарь, например?

- У нас такого не было. Был старшина, у него какие-то помощники были. В роте писарь не нужен. У командиры роты несколько помощников да связных. Это уже у командира полка писарь.

- Были места, какие поспокойнее?

- Не знаю. Я сидел в окопах. Честно говоря, я даже не знал, где находится штаб полка. Я из окопа даже на 200 метров сторону тыла не мог выйти. В туалет – только метров за 50, а 200 метров в тыл прошел – все, это уже чуть ли не дезертирство.

- Вы были помкомвзвода, с батальоном связь имели?

- Нет. Если только с донесением пошлют, но у комроты свои связные, у комбата свои.

- Самый старший офицер, с которым вы сталкивались на передовой кто был? Комбат? Комполка?

- Ротного я знал, он в окопах часто появлялся. С комбатом я познакомился, когда где-то на отдыхе стояли, а выше... Это раньше Суворов со шпагой вперед шел, а в наше время господа-офицеры все, по Уставу, находятся на расстоянии, за спиной солдата. Комбата и комполка я в окопах не видел.

- Какое в бою было отношение к немцам? Вы понимали, что это враг?

- Даже не задумывались. Война есть война. Если я буду думать, он меня в это...
Воспринимали как работу.

- С пленными сталкивались? Какое к ним отношение было?

- Брали пленных. А отношение? Мы же не конвоиры. Мы их взяли, тут же приходят другие люди, забирают. Или мы их проводим до штаба полка, 1-2 км от передовой. Сдали там и все.

- Спасибо, Владимир Алексеевич.

Интервью: А. Драбкин
Лит.обработка: Н. Аничкин

